

Мастера
отточенной
банальности

Он не устал еще от популярности

«РУГАТЬ ПОП-МУЗЫКУ — НЕУМНОЕ ЗАНЯТИЕ», — СКАЗАЛ ВАДИМ КАЗАЧЕНКО, КОГДА МЫ БЕСЕДОВАЛИ С НИМ В ГРИМЕРНОЙ ДК НАК «АЗОТ». ДВА ЕГО КОНЦЕРТА ПРОШЛИ В НОВОМОСКОВСКЕ НА «УРА».

Женщина средних лет плакала безутешно. Не хватило билета на концерт Казаченко. Вот беда. Умоляла продать хотя бы стоячее место. «Казаченко — это тот, которому больно, когда умирает любовь?» — поинтересовалась я. «Конечно», — она посмотрела на меня так, будто не знает этого стыдно.

Захотелось поговорить с человеком, вызвавшим такую бурю эмоций. Что прячется за простенькими песенками, за имиджем своего в доску парня? Любимец публики, особенно женской ее части, он, как поговаривали, очень общителен и приветлив. Не отказывает никогда журналистам в интервью, а поклонникам щедро раздает автографы и улыбки.

Вадим подкатил ко Дворцу на своих «Жигулях» последней модели цвета «мокрый асфальт». Его сопровождала молодая особа (после выяснилось, что это солистка группы «Комбинация» Таня Иванова).

Казаченко и вправду завел зал. Как повелел конферансье Михаил: «Он ужасно консервативен. Мы все уговариваем его работать под фонограмму, а он требует на сцене полной самоотдачи. И от себя, и от музыкантов». А еще веселый конферансье рассказывал анекдот из «Пентхауза» — тот, что не для сцены.

После первого концерта Леше Денисову (который, между прочим, не боялся взять на себя разрешение технических вопросов гастролей Казаченко) пришлось сдерживать усиленный женский натиск, подперев двери стулом.

Паузу между концертами Вадим любезно согласился заполнить разговором со мной. Только сначала ослепил всех любителей автографов. Пожелал им, как обычно, успехов и любви и вернулся в гримерную, где мы с Таней Ивановой обсуждали неприятные моменты творческой депрессии. Ей, оказывается, тоже жутко хотелось спать, и

она пила кофе в неимоверных количествах.

— Скажи, Вадим, ты серьезно относишься к своим песням? Нет ли у тебя отстраненности, ироничности, хотя бы временами?

— Конечно, серьезно. Как бы их ни воспринимала высокоинтеллектуальная публика, для меня моя работа — прежде всего творчество. И потом, почти все наши разговоры — сплошные банальности. Мы и сейчас с тобой проносим истерные слова. Ну и что? Ведь люди сегодня пришли, зал был переполнен. Значит, все, что я делаю на сцене, их волнует, трогает, веселит.

— Интересно, а сам ты коммуникабельный человек, открытый для общения?

— Скорее нет. Я люблю проводить время в компании своих близких, друзей. Сидеть где-нибудь в углу, наблюдать происходящее, слушать.

— А не напрягает ли тогда тебя постоянное оживление вокруг твоей персоны, мелькание новых лиц, городов, должно быть, интравертному человеку это тяжело?

— Абсолютно нет. Хотя в поп-музыке я уже десять лет, но еще не успел до конца окунуться во все это. Наверное, надо долго прожить на эстраде, чтобы устать от популярности. А вообще слава как таковая меня не интересует.

— А вот скажи, пожалуйста, как ты дошел до жизни такой? Ведь популярность просто так не случается?

— Да я и не помню, честно говоря, как это началось. Все получилось само собой, спонтанно. У других — борьба или чья-то хорошая поддержка, а у меня нет.

— И все-таки, ты не устал от своих песен? Я вот, например, воспринимаю их как сентиментальный телесериал, продолжение синдрома Марианны.

— Ругать попсу — неумное занятие. Музыкальные критики, ценители высо-

кого искусства видят нашу музыку однобоко. Судят слишком категорично. Как ни банальны сюжеты и слова песен, все равно они — жизненные моменты. Песня живет три-четыре минуты. Если в этот короткий миг она заряжает зал, слушателей, происходит обмен чувств — кому-то становится весело или грустно вместе со мной, это уже здорово.

— Вадим, как у тебя взаимоотносятся слова «денеги» и «творчество»?

— Провокационный вопросик. Здесь ведь все тесно переплетено. Всегда получается по-разному: когда-то поешь только для души, а когда-то действительно подработать нужно. Я такой же человек. Мне тоже кушать хочется. Что в этом дурного? Кроме того, я даю возможность зарабатывать и своим ребятам — у них у всех семьи, дети.

— Тебе много приходится ездить. Где ты выступал в последнее время?

— Бываю во многих городах. В столице вообще никогда не выступаю. Вот недавно вернулись из Уренгоя. Там в мае выпал снег, мороз... Я даже простудился, однако поездку в Новомосковск не отложил. Я ведь обещал приехать. Знал, что меня ждут.

— А охранники у тебя есть?

— Вот мой охранник (показывает на Таню и мило улыбается).

— Ну уж с такой охраной никто не сунется. Вполне надежна.

Можно было бы еще о многом расспросить его. Например, о том, больно ли ему на самом деле, когда умирает любовь. Или попытаться узнать, откуда столько женственности и сентиментальности в его сценическом имидже. Ведь основная масса его зрителей — это зрительницы. Женщины всех возрастов. Но... Время, как всегда, поджимало, и пикантные подробности остались за кадром.

Елена ГОРЕЛОВА.